

ДОМА. ИМЕНА. СУДЬБЫ

«МОСКОВСКИЙ – ЭТО И ЕСТЬ МОЙ ДОМ»

Михаил МИШИН – двукратный обладатель Премии «Золотой теленок», лауреат Премии «Золотой Остап», удостоенный персонального тома «Антологии Сатиры и Юмора России XX века», для большинства россиян он всё-таки больше известен как автор звонкого слова «Одобрямс» и шуток, ставших сегодня народными.

Долгие годы Михаил Мишин жил в Московском районе.

– Вы – коренной петербуржец, но в городе на Неве не выступали почти 20 лет. О чем будете говорить на встрече с вашими почитателями?

– Есть время собирать камни, а есть – время их разбрасывать. Были годы, когда я много выступал, и, если за неделю не звонили с приглашениями из двух-трех городов, даже удивляло. То же самое было с книжками. Моя первая самостоятельная книжка вышла в 1976 году тиражом 65 тысяч экземпляров. Меня не знала ни одна собака, но через несколько дней ее уже не было на прилавках, всё скупили. Через два года вышла вторая книжка, 135 тысяч экземпляров, тоже моментально разошлась. И вот в какой-то момент книги «перевесили»: мне

показалось, что надо больше сидеть, писать, и поэтому я стал отказываться от концертов. И так прошли годы. Но вдруг, поскольку были несколько вечеров, которые очень хорошо прошли, я что-то вспомнил,

Конечно же, важное воспоминание про Ленинград – это как мы начинали втроем. Я, Сеня Альтов и покойный Витя Белевич, который придумал в своё время «Академию сатиры и юмора», премию «Золотой Остап». С Сеней Альтовым много лет общаемся и дружим. С Михаилом Жванецким пересекаемся много лет, недавно как раз пытались вспомнить – сколько. Мы с ним когда-то в Ленинграде по соседству жили.

– Что в вашей жизни значит Московский район?

Московский район – это практически вся моя жизнь в Ленинграде. Сначала мы жили на Выборгской стороне, в коммунальной квартире, где не было газа. 11 жильцов с

Михаил Мишин:

«Раньше не было вопроса, за кого голосовать. Непонятно было, зачем»

домочадцами и каком-то количеством кошек, а над нами этаж с коридорной системой. Потом родители получили комнату 16 метров

Помню, как открыли Московскую линию метро. Тогда она была как раз до Парка Победы. Когда я первый раз погрузился в наше метро, я еще не знал, что проведу в этом метро пять лет. А потом поступил в ЛЭТИ и каждый день катался на метро с Парка Победы до Горьковской. Там я читал конспекты, книги, знакомился с девушками. В метро я встретил свою первую жену.

Так я и жил почти до самого своего отъезда в Москву. Я – там, в Московском районе. До сих пор его очень люблю. Для меня Московский район – это и есть мой дом.

– Правда ли, что ваши первые рассказы были напечатаны в достаточно юном возрасте? И правда ли, что важную роль в этом сыграл ваш отец?

– У моего папы была сложная биография. После отсидки он работал в Лениздате. И вот, когда у меня набралось какое-то количество текста в разных газетах, он, мне не говоря ничего, собрал их и показал одному из редакторов. Редактор был замечательный – знаменитый Борис Григорьевич Друян, прославившийся тем, что он впервые напечатал двухтомник Анны Ахматовой. И вот он почитал, сказал – хороший парень, пусть придет. Я пришел, он

сейчас идет – «Ваня и Соня и Маша и Гвоздь».

– Вас знают и любят как блестящего сатирика. Не кажется ли вам, что качество современных юмористических текстов, мягко говоря, не на уровне? Или же просто раньше было больше поводов для иронии?

– Я бываю не в восторге как от того, что делают мои сверстники, так и от того, что делают молодые. Среди молодежи есть, конечно, за

– В вашей жизни было много: сотрудничество с лучшими юмористами советской сцены, сольные выступления, работа в качестве писателя и переводчика. Вы снимались в кино. А ваши переводы и адаптации идут сегодня в ведущих театрах страны. Что всё-таки для вас ближе всего?

– Когда-то, в начале пути, мне нравилось считаться сатириком. В городе выступал перед зрителем.

хорошо прошли, я что-то вспомнил, вспомнил ощущение себя. И вроде я зрителей не обманываю, и они какие-то хорошие. Дай, думаю, попробую

Первая книга

ещё немножко. Но если раньше концерты были, помимо всего прочего, ещё заработком, то сейчас это в большей степени всё-таки контакт, общение. Что-то так или иначе накопало за это время на бумагу – надо попробовать это прочитать.

– Пожалуйста, расскажите о вашем детстве. Ваши самые яркие воспоминания?

– Я прожил длинную жизнь – ещё маленьким я помню смерть Сталина. В день, когда он умер, мне было шесть лет. Я застал отголоски того времени, помню, что это такое – этот страх. При Хрущеве была другая история – оттепель, «шестидесятники», я младше этого поколения, но тем не менее. Но, конечно, самые сильные впечатления советского детства – это фантастические общественные радости. Я помню день запуска Гагарина: урок, апрель, солнце за окном, мы сидим, прибегают: «В космосе кто-то, отменяем занятия!». И все выбежали на улицы, весь город, и все автобусы были расписаны: «Ура Гагарину!». И казалось, что осталось еще ну просто чихнуть – и наступит коммунизм. Люди, пережившие День Победы, говорили, что было похоже.

в трехкомнатной коммунальной квартире в Московском районе. Прямо напротив Дома Советов. В нашем доме тогда размещался Московский универмаг, который позже переехал чуть дальше. Мы жили на шестом этаже, окна выходили на гигантский пустырь, а вдалеке, даже в плохую погоду была видна полоска Финского залива. Это были 50-е годы.

Наш район назывался «Средняя Рогатка» и был самым пограничным с областью. Метро не было, ходил только 29-й трамвай. Зато рядом были Пулковские высоты, а у Дома советов стояли долговременные огневые точки, бетонные доты, куда мы ходили играть. В нашем дворе был гигантский пруд, заполненный водой воронка от взрыва авиационной бомбы. И самые отчаянные, пока родители не видели, там купались. А в следующем дворе была моя 361-я школа...

Московский Парк Победы, когда я был мальчишкой 9-10 лет, был совсем молодым. Деревья были маленькими. Я рос, и парк рос вместе со мной. Там были постоянные гулянки и молодежные сборища. Ходили тогда двор на двор, чтобы нас били и мы били. Никита Сергеевич задумал реформу образования, и мне пришлось уйти из школы в техникум Холодильной промышленности, который находился там, где сейчас Ленинский проспект. Я мечтал быть физиком в белом халате, впрочем, как и вся страна, заниматься глубоким холодом, отучился там три года и сбежал обратно в школу. Правда, уже в вечернюю. Зато именно в техникуме, в первый же день, я научился и пить, и курить. В туалете мы распили бутылку портвейна и почувствовали себя взрослыми людьми.

Потом родители переехали ближе к Парку Победы, купили двухкомнатную кооперативную квартиру.

сказал мне, что все очень хорошо, наговорил каких-то слов, которые меня очень окрылили. А потом кто-то ему сказал, что я сын Анатолия. Друзья посинели от злости, устроил отцу дикий скандал. Отец хладнокровно переждал все и сказал: «А представь теперь, что я бы с самого начала сказал, что это мой сын». Тот подумал и сказал: «Да, ты прав». И так в 1976 году вышла первая моя самостоятельная книга.

– С чего началось ваше сотрудничество с Аркадием Райкиным?

– Когда меня о нем спрашивают, я всегда страдаю. Потому что тем, кто помнит его и видел вживую,

Михаил Мишин:

«Вот, что делает с нами непосильный труд», – сказала обезьяна, показывая на человека»

объяснять ничего не надо. А тем, кто не видел, ничего не объяснишь. Никакая видеозапись не дает и сотой доли представления о нем. Райкин был вершиной, Эверестом, куда хотели вскарабкаться все, кто так или иначе занимался юмором и театром. Все мечтали писать для него. И я – а мне тогда было 30 – тоже хотел. И вот мои друзья, актеры его театра, привели меня к нему. Я был поражен, что Райкин реален! Говорит, улыбается... Я оставил ему какие-то тексты. Он через два дня позвонил и предложил мне делать с ним следующий спектакль. В итоге в райкинском театре у меня вышло два спектакля. И даже после ухода Аркадия Исааковича дружба с «Сатириконом» не прервалась. Там шли в постановке Константина Райкина несколько спектаклей по моим переводам. И

Среди молодежи есть, конечно, забавные и талантливые ребята. Но они купаются в старой как мир пошлости. Однако надо понимать, что у жанра сатиры

в принципе сложные времена. Я начинал в эпоху, которую называют застоём, когда ничего нельзя было говорить впрямую. Переговаривались намеками. Ты выходил на сцену, подмигивал аудитории, и аудитория была благодарна за эту неслыханную смелость. Теперь, когда все стали смельчаками, подмигивать незачем. Сегодня же особенность времени в том, что убито чувство удивления. Скажи завтра, что прямо на палубе золотой яхты банда обкуренных олигархов зажарила и съела очередную кандидатку в президенты, поверим в одну секунду. Тем более, кандидатка лично опишет процесс своего поедания в передаче Малахова. Когда нет норм, нормально все. Отсюда проблемы жанра. Для сатиры основной прием – гиперболы. А что сегодня можно преувеличить? Поэтому главное, что произошло с жанром – трудно изумить.

Михаил Мишин:

«Надежда – это разность между тем, что хочется и тем, что есть»

ряд: от Свифта и Рабле до Щедрина, Зоценко и современников: Жванецкого, Горина, Арканова. Ну и ты, значит, в этом ряду. Сатирик – он же бросал вызов косности, порокам, он обличал, ниспровергал и при этом порождал смех. Мы были востребованы. В обстановке гробовой общественной тишины в стране твое слово казалось слышимым повсюду. Потом, когда сатириком стал именоваться каждый, кто высказывал с листочком к микрофону и обличал соседний пивной ларек, мне это слово разочуривилось. Я перестал называть себя писателем-сатириком. А потом мне стало все равно. Я понял: сам-то я могу назначить себя кем угодно – писателем-баталистом, маринистом, лириком... Но, в конечном итоге, не я решаю, кто я такой, решает аудитория – читатель, зритель, слушатель. Кем она меня считает, тот я и есть.

Анна ИВАНОВА,
специально для

«Московской заставы»

Московский пр., д. 191